
КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

П.С. Гуревич, Е. Стаховский

ФРЕЙД ВЕЛИКИЙ И НЕИСЧЕРПАЕМЫЙ (беседа главного редактора журнала Павла Гуревича с писателем, ведущим научно-популярного шоу «Объект 22» на радиостанции «Маяк» Евгением Стаховским)

Аннотация. Материал, помещаемый в журнале, представляет собой беседу писателя, ведущего научно-популярного шоу «Объект 22» на радиостанции «Маяк» Евгения Стаховского с главным редактором журнала «Психология и психотехника» проф. П.С. Гуревичем. 6 мая этого года исполнилось 160 лет со дня рождения великого исследователя Зигмунда Фрейда. Будучи основателем психоанализа как философского и психологического направлений, он оказал влияние на философию, социологию, философскую антропологию, искусство, медицину и другие смежные науки. Его взгляды вызвали огромный резонанс в мировой культуре. Фрейд стал основоположником особого направления в философии, который так и называется «Психоанализ». Но он также явился родоначальником одного из пяти направлений в мировой психологии – психоанализа.

В материале использован метод историзма, который позволяет показать место психоанализа в истории мировой психологии. Этот принцип даёт возможность проанализировать радикальность психологической концепции Фрейда.

Оценки наследия Фрейда часто бывают противоречивыми. Общеизвестно, что Фрейд оказал влияние едва ли не на все философские направления минувшего века. Иногда отдельные идеи психоанализа получали признание и дополнительную разработку. Это относится, скажем, к экзистенциализму. Порой основные выводы Фрейда подвергались критике. Но при этом философы непременно обозначали позиции сходные и несходные. В области психологии Фрейд совершил настоящую революцию. Показав роль бессознательного в поведении и мыслях людей, он во многом изменил вектор психологического знания.

Ключевые слова: психика, психоанализ, психология, бессознательное, человек, личность, жизнь, сексуальность, культура, антропогенез.

Abstract. The material posted in the Journal contains the conversation between the writer and the frontman of the popular science show 'Object 22' broadcasted by Radio Mayak Evgeniy Stakhovsky and the editor-in-chief of the Psychology and Psychotechnics Journal professor Pavel Gurevich. On May, 6 it will be 160 years since the birth of a great researcher Zigmund Freud. Being the founder of psychoanalysis as a philosophical and psychological school, he had a great influence on philosophy, sociology, philosophical anthropology, art, medicine and other associated sciences. His views drew controversial responses of the global cultural community. Freud became the founder of a special philosophical school called Psychoanalysis. At the same time, he is also the father of psychoanalysis as one of the five main branches of psychology. The main method used in the conversation is historicism which allows to demonstrate the place of psychoanalysis in the history of world psychology. This principle also allows to analyze the radical nature of Freud's psychological concept. Evaluations of Freud's heritage are often contradictory. It is widely accepted that Freud influenced nearly all philosophical schools of the last century. Some ideas of psychoanalysis received recognition and further development in other psychological schools and movements. Existentialism is an example of it. From time to time Freud's main conclusions were criticized. However, when doing so philosophers always described both differences and similarities of theories. Freud made a revolution in psychology by describing the role of unconscious in human behavior and thinking which changed the vector of psychology in many ways. .

Key words: psyche, psychoanalysis, psychology, unconscious, human, personality, life, sexuality, culture, anthropogenesis.

Евгений Стаховский: Хочу обсудить с вами тему, которая и в рамках медицины, и в рамках философии, да и в популярной культуре является одной из самых известных. По крайней мере, все слышали имя, и чуть что – сразу Фрейд. Все слышали про психоанализ. С Вашей помощью хочу разобраться в основах этого явления, этой теории, этого направления. Это ведь не только сугубо медицинская теория, но теория, за которой скрываются некие философские пласты, это правда?

Павел Гуревич: Да, конечно. Фрейд был врачом по образованию, психиатром, но он же является и лидером целого философского направления, которое так и называется – психоанализ, и существует в ряду таких значительных течений мысли как, например, персонализм, позитивизм. То есть это настоящее философское направление, а не просто изложение определённых философских взглядах в психоанализе. В какой-то мере это направление выделяется из сонма других направлений, потому что любое направление философской мысли сегодня не может не выстроить свою коммуникацию с психоанализом. Это может быть отчуждение, критика или корреляция взглядов, но психоанализ находится в центре гуманитарного сознания. Кроме того, фрейдизм имеет отношение к биологии, к терапии и к философии.

Е.С.: На ровном месте образуются два пути: фрейдизм и психоаналитическая теория. Психоаналитическая философия именно как философское явление – научное гуманитарное понятие. И психоанализ выступает как медицинское направление. Существуют люди, психоаналитики, психоаналитические терапевты, занимающиеся решением проблем людей, когда люди этими проблемами обрастают.

П.Г.: Давайте уточним. Психоанализ существует в трёх вариантах. Первый я бы назвал философским, второй – медицинским, т.е. целительским, и третий вариант – прикладным психоанализом. Под прикладным имеется в виду применение психоаналитической теории для искусствovedения, для анализа явлений художественной жизни, анализа биографий – простых людей или, например, политиков. Имеется в виду анализ их психопатологических черт. Это тоже значительный блок знаний. Многие ключевые понятия, которые ввёл Фрейд имеют литературное или литературоведческое происхождение. В произведениях этого исследователя есть ссылки на философов и писателей таких, как Аристотель, Гёте, Грильпарцер, Гейне, Гофман, Ибсен, К.Ф. Мейер, Ницше, Шопенгауэр, Шекспир, Софокл, Стриндберг, Золя и других. Многие после-

дователи Фрейда, как он сам, стали использовать психоаналитические открытия для анализа художественных произведений, в биографических и патографических исследованиях. Таким образом, прикладной психоанализ вышел за рамки клинической практики. Он стал самостоятельным блоком знаний.

Е.С.: О третьем направлении неспециалисты совершенно точно забывают. Но если я вам задам вопрос: на что психоанализ опирается – это будет слишком широкий вопрос?

П.Г.: Опирается в каком смысле?

Е.С.: Если мы говорим о философском аспекте. Есть мнение, что Фрейд в своих теориях довольно сильно опирался на того же Шопенгауэра, хотя историки философии говорят, что сам Фрейд не очень любил об этом говорить, хотя все понимают, что он был знаком с трудами Шопенгауэра. А с точки зрения обывательского восприятия, Фрейд – это сексуальность и травмы детства, например. Слушателей «Маяка» интересуют и другие вопросы.

П.Г.: Тогда я бы сказал что в фундаменте психоанализа лежит грандиозное открытие – бессознательная жизнь человека. И, прежде чем говорить о теории психосексуального развития, надо отметить этот поворот в гуманитарном сознании. Представление о том, что сознание не является гомогенным образованием, что вокруг сознательной жизни гнездится обширный материк бессознательного, и он, по сути дела, определяет наши мысли и наши поступки. И, конечно, я не могу сказать, что Фрейд опирался на Шопенгауэра и на его труды, потому что сам Фрейд говорил, что не читал ни Шопенгауэра, ни Ницше, но некая перекличка идей и заимствований определённых идей есть. Платон развивал идею припоминания, полагая, что люди много раз живут на Земле, и во многом обретение знаний опирается на уже полученный когнитивный опыт. Можно говорить, что и в античной Греции догадывались, что есть такой феномен – бессознательное, но, скажем, само слово принадлежит немецкому философу Готфриду Лейбницу. Этот мыслитель имел в виду, что стройной работе сознания сопутствует пласт неосознаваемого, которое влияет на сознание. Я думаю, что это самое грандиозное открытие Фрейда. Приметы идеи бессознательного есть у Шопенгауэра, который ставит волю выше мышления. Воля сама по себе внерациональна. Наконец, Фридрих Ницше, анализируя греческое искусство, выделял в нём два начала, которые он обозначал именами богов. Одно начало, несущее гармонию, упорядоченность, меру названо именем бога Аполлона. Другое нача-

ло – арсенал иррациональных чувствований – Ницше отсылал к Богу виноделия и празднества – Дионису. Здесь можно проследить историю одной из базовых идей Фрейда.

Е.С.: А другие открытия?

П.Г.: Если бы Фрейд создал только теорию детского психосексуального развития, заявив, что ребёнок от молодых ногтей сексуален – он всё равно был бы великим мыслителем, потому что это не просто указание на сексуальность, а раскрытие формирования характеров людей. Как складывается детская сексуальность, так определяется и взрослая сексуальность, но это тоже не самое главное. Идея Фрейда в том, что в результате рождаются определённые характеры, и их много – целая галерея людей, которые в зависимости от детского психосексуального развития имеют целый ряд невротических черт. Так что, если спросить у простого человека, что, мол, у Фрейда только сексуальность, то да, наверное, им нечего больше сказать, они мало знакомы с этой теорией, но я не могу бросить камень в их огород, потому что Россия – единственная страна в мире, где психоанализ был репрессирован и до сих пор не вошёл в стандарты образования. И если фрейдизм изучают уже в школах европейских стран, то у нас и в ВУЗах не изучают. Т.е., нет такой дисциплины, по которой психологи должны сдать специальный экзамен. Они должны знать бихевиоризм, отечественную психологию, гештальтпсихологию, но два мощных последних направления мировой значимости: психоанализ и трансперсональную психологию – они знать не обязаны, потому что стандарты этого не предусматривают. Мы много лет боремся, чтобы стать цивилизованными людьми, и когда-то я сказал, что мы – единственная страна, где психоанализ не признан. Мне возразили, что, мол, в Египте или в Монголии наверняка то же самое, на что я тут же заверил, что в Монголии мощная психоаналитическая организация, как и в Египте. Это мы в этом отношении лишенцы полные.

Е.С.: Известный факт, что в начале XX века идеи психоаналитической психологии и психиатрии стали получать серьёзное распространение, и в России психоанализ был очень популярен, а потом как-то ушёл из этого поля, вернувшись только в 90-е годы как попытка понять – что это было?

П.Г.: А где вы имеете в виду – ушёл?

Е.С.: Я имею в виду – из официальной науки.

П.Г.: Ну, скажем, в Америке он стал просто всеохватной модой. В Германии и Австрии он продолжал развиваться. В России в первые годы советской власти был создан Институт психоанализа, была профессура, например профессор Иван Дми-

триевич Ермаков. В годы НЭПа страна покрылась сетью целительных учреждений, а потом всё исчезло. На эту тему очень много было версий – почему психоанализ погиб. Не было же специального постановления партии, и были разные версии, почему так случилось. В последнее время архивные документы свидетельствуют, что это всё-таки не случайность, не культурная загогулина, а целенаправленная политика. Я бы сказал так: психоанализ и тоталитарное общество несовместимы, хотя в конце 30-х гг. многие психоаналитики даже выдвигали идею совмещения марксизма и психоанализа. Очень наивно, но они рассуждали примерно так: марксизм – это теория верха, психоанализ – это теория низа, и пора соединить эти слагаемые. Но им пришлось впоследствии довольно скверно, их жизнь в результате таких новаций сложилась неудачно.

Е.С.: Как это часто бывает. Может, это было как-то связано с этой вечной карательной психиатрией? Ведь и в нашем современном обществе до сих пор бытует мнение, что если есть психологические проблемы – значит можно сразу повесить ярлык сумасшедшего, и не иметь с ним никаких дел – и это как раз последствия той политики, которая начиналась в 30-е гг. Если общими словами.

П.Г.: Немного сложнее. Целительство, как известно, существует в двух вариантах: психиатрия и психоанализ. Психиатрия – медицинская специальность, и психиатр должен быть врачом непременно, а психоаналитик не обязательно должен иметь медицинское образование. Он, скорее, психолог, чем врач. Если есть – слава Богу, если нет – это совсем другой вид целительства. И, конечно, карательная психиатрия у нас получила сказочное развитие, небывалое, потому что профессор, который был главным психиатром, отблагодарил власть, придумав такой диагноз, которого нет в мировой психиатрии, – вялотекущая шизофрения, и под это можно было подверстать любое инакомыслие. Но, конечно, все эти рассуждения о том, что сексуальная жизнь играет огромную роль в жизни человека, не совмещались с общим энтузиазмом строительства коммунистического общества, и самое главное – именно эта сфера, сфера интимной жизни, пожалуй, единственная, которая не поддаётся тоталитарному надзору. Можно контролировать человека на работе, можно проверять его труды, писания, но когда человек приходит домой и закрывает занавеску, то как уж он там кувыркается – это никому непонятно. Поэтому всегда при советской власти было подозрительное отношение к интимной жизни. Была команда, чтобы всё было общественным: рассказы, как это происходит! И в одном из филь-

мов актриса Лидия Николаевна Смирнова от имени своей киногероини произносит смешную фразу: «Если любишь – крикни на всю страну!». Хотя признания в любви – это интимные, камерные заявления, совершенно не обязательно знать всем остальным, кто кого любит. Поэтому недостаточность контроля над всеми сферами человеческой жизни, конечно, привела к тому, что психоанализ и марксизм оказались несовместимы.

Е.С.: Психоанализ – это очень личная работа, очень интимная работа терапевта и человека?

П.Г.: Конечно. Это может быть похоже на работу священника. Психоаналитик так же связан тайной душевных откровений, роптаний души. Но существует психоанализ и в социальном варианте. Т.е., с одной стороны – это изучение трудноуловимых переменчивых состояний человека, а с другой стороны – это изучение массово-психологических процессов.

Е.С.: Если подойти к, что называется, практической части вопроса, понятно, что вечно возникает путаница, чем занимается психиатр, психолог, психотерапевт, психоаналитик. Если мы возьмём именно психоаналитика – чем его подход отличается от всех остальных?

П.Г.: Психиатр лечит с помощью медикаментов. Когда-то психиатрия была очень популярной, и до сих пор лечение лекарствами продолжается, но сами психиатры говорят о кризисе, потому что лечение антидепрессантами никого не сделало здоровым. Люди стали принимать огромное количество антидепрессантов, которые стали влиять на их витальность, на их состояние, и это какой-то заколдованный круг. Вот свежая газетная статья, посвящённая медицине будущего. В статье отмечается, что лекарство, которое помогло бы всем и при этом не вызывало бы побочных эффектов, – непостижимая мечта. Согласно последним данным, подавляющее большинство препаратов – более 90% – помогают от 30 до 50% людей. Иными словами, как минимум каждому второму не поможет или навредит пилюля, ориентированная на широкие массы. Медицина становится таргетной, иначе говоря, прицельной, индивидуальной. Автор этой статьи утверждает, что при лечении шизофрении, аутизма, Паркинсона, депрессии в 30% случаев никакие препараты не помогают вообще.

Е.С.: Психоаналитик придерживается таргетной цели?

П.Г.: Психоаналитик не пользуется лекарствами, хотя в среде психоаналитиков были люди, имеющие две специальности, и реализовали себя в двух ипостасях. Но в принципе – это работа с

бессознательным. В этом бессознательном – источник всех безумств, всех неврозов и психопатий. Если сравнить с работой просто психолога, то для него важны три обстоятельства, которые делают его профессионалом: это знание закономерностей человеческой психики, некий опыт работы с клиентами, и, очевидно, общая культура, без которой невозможно говорить с пациентом. Как показывает практика, плохой психолог угасает на второй минуте – он не знает о чём говорить, потому что недостаточно подготовлен вообще как образованный культурный человек. Для психоаналитика этого недостаточно, потому что психолог, по существу, – консультирующий человек. Что-то есть педагогическое в его деятельности. Он разъясняет, почему человек неправильно себя ведёт, почему неправильно выстраивает свою жизнь, в чём трудности, которые он испытывает и которые ему кажутся сугубо индивидуальными, но на самом деле они массовидные, и исходя из этих теорий он может давать рекомендации. Психоаналитик не даёт советов. Он не работает на уровне сознания. Конечно, часть разговора имеет вид какой-то беседы, но если спросить пациента, который беседует со мной, что происходило на сеансе, у него будет совершенно другая картина. Он скажет: мы немножко поговорили о моём детстве, я рассказал о каких-то своих страхах, ну, Павел Семёнович так немного поиронизировал по этому поводу – и всё. На самом деле шла довольно напряжённая работа, вторая работа, подспудная, которую очень трудно изложить в процессе обучения психоанализу, потому что она неосознаваема. Если она осознаваема, то тогда это не работа с бессознательным. В этом парадокс, и в этом трудность. Если иногда мы находим какие-то тайны бессознательного и вскрываем их, то объяснить это можно очень банально, и люди говорят: и вот этого ради? И вот этот пустячок в моей жизни оказался таким значимым? Да, конечно, безусловно, потому что если скажем, женщина говорила, что страдает астмой и лечилась, и сама врач, а ей ничего не помогало, то только в процессе работы выяснилось, что когда она была ребёнком, она оказалась заваленной в доме, который обрушился, и вот это ощущение отсутствия воздуха и задушенности в итоге явилось причиной её астматических реакций. А стандартное лечение успеха не имело.

Е.С.: Здесь сразу несколько вопросов. Одно дело – докопаться до причины, на этом примере – чувство удушья. Но ведь осознать это – полдела, т.е. подсознательное вывести на уровень сознания. Но объяснить – не значит избавиться. Или значит?

П.Г.: Этот вопрос, который касается стадийаль-

ности. Там тоже есть несколько поворотов. Первая – стадия, когда, открываются причинно-следственные связи. Допустим, человек говорит, что он в свои 55 лет опасается, что задушит свою сексуальную партнёршу. С некоторых пор у него проявились такие садистские качества. До убийства пока не дошло, но он боится, что это может случиться, и не понимает причины. И я не знаю этой причины. Поэтому идёт долгий разговор, и вот, однажды, возникает эпизод, который всё проясняет. И подвёл я его к этому эпизоду непредумышленно. Я спросил: «Домашние животные есть?». Он сказал: «Нет». Я говорю: «Что так?». А он рассказывает: «Когда я был ребёнком, то жил в деревне, куда вошли немцы. Однажды к нам шёл немецкий офицер, мама увидела его, испугалась и спрятала меня под кровать вместе с собакой. Собака тявкнула, и офицер её пристрелил. И когда тёплая лужа крови разлилась по сапогу этого офицера, я испытал то, что во взрослой жизни называется оргазм». Вот причинно-следственная связь обнажена, но понятна ли она пациенту? Пока нет. Идёт следующая стадия работы, которая называется проработка эпизода. Мы долго крутимся, пытаемся вспомнить какие-то детали, которые сопутствовали этому. Ну и есть, конечно, последующие стадии, потому что, допустим, мы лечили алкоголика и отправили его в то сообщество, где он по-прежнему предаётся этому пороку, поэтому есть ещё и социальный аспект, но это касается стадий работы, а в целом, как вы правильно заметили, это обнаружение причинно-следственных связей, которые на уровне сознания не задаются.

Е.С.: Вы привели два примера, и в обоих случаях был травмирующий эпизод в детстве, т.е. мы говорим о том, что всё-таки детство – очень важная часть жизни человека, и психоанализ работает в первую очередь с детскими, практически неосознанными переживаниями?

П.Г.: На уровне обыденного сознания это понятно – мы все родом из детства. Мы в детстве имели неожиданные страхи, причём значительные, и иногда не понимаем этого. Английский психоаналитик Мелани Кляйн выстраивает такую концепцию: когда ребёнок рождается, он находится на пороге смерти, и у него есть три выбора – на уровне бессознательного естественно, на уровне инстинкта. Вариант первый – зачем мама меня родила, а теперь бросила? И ребёнок умирает. А когда вскрывают трупик – никаких медицинских причин для его смерти нет. Он умер от осознания заброшенности, осознания обделённости. Второй вариант – когда ребёнок понимает, что он брошен, но может выстроить стратегию

мазохиста по всей жизни, и будет жить и жаловаться, как всё плохо, скверно, абсурдно. Хотя абсурдно – это, скорее, третий вариант – когда ребёнок понимает, что мир абсурден, потому что зачем меня вообще рождают, чтобы в итоге предать смерти. И так человек и живёт всю жизнь в сумасшедшем мире. А французский психоанализ выстраивает парадоксально такую логику: никак не освободить человека от неврозов, как научить его жить в абсурдном мире, который мы переделать не в состоянии.

Е.С.: А есть какой-то позитивный вариант? Все три звучат не очень.

П.Г.: Позитивный вариант – когда ребёнок сразу попадает в нормальное общество, окружён материнской любовью, у него нет ощущения брошенности. Конечно, когда мама идёт на кухню согреть молоко, она не может объяснить ребёнку, что она его не бросила, а отлучилась на минуту. Но мама должна учитывать, что ребёнок это воспринимает как катастрофу. Но если мама, скажем так – психоаналитически грамотная, она будет это учитывать. Чтобы ребёнок вырос нормальным человеком, он никогда не должен ощущать состояние брошенности.

Е.С.: Есть известный момент, в котором часто обвиняют психоаналитиков, когда связывают непосредственную терапию с экономическим, что называется, вопросом. Психоанализ – довольно длительное лечение. Должно пройти достаточное количество времени, чтобы докопаться до глубинных проблем, а потом ещё их и проработать. Может пройти не одна неделя, месяц, а то и год, и людям тяжело на это решаться, потому что все хотят а) сейчас и сразу; и б) начинают думать, сколько денег они отнесут доктору.

П.Г.: Не могу с вами согласиться полностью. А разве к кардиологу или к зубному ходят на один сеанс?

Е.С.: И тоже не так уж дёшево.

П.Г.: Это длительное лечение. К психоаналитику обращаются, когда так жить больше нельзя, здоровье из рук вон, трагедия, качество жизни, депрессия, самоубийство, и так далее. Конечно, это длительное лечение. Но я бы сказал, что в наших условиях оно не дороже, чем лечение, которое практикует любой другой опытный врач.

Е.С.: Вопрос главный – осознать свои проблемы. А работа психоаналитика самая главная, после того как он вскрыл бессознательные нарывы в человеке, если я вас правильно понял, заключается, по сути, в выстраивании адекватных защитных механизмов – к жизни, к обществу, к миру, к ужасному и абсурдному миру, который нас окружает.

П.Г.: В известной степени – да. Ведь в психоанализе целительская практика самая разнообразная. Речь может идти о лечении таких сложных ситуаций, как женское бесплодие, имеющее причины психогенные, а не физиологические. Это я возвращаюсь к вопросу оплаты, потому что как можно оценить то, что женщина которую, по сути, приговорили к бесплодию, рождает ребёнка? Поэтому речь не только о выстраивании защит, а о снятии той бессознательной доминанты, которая окрашивает всю жизнь. Человек ходит как безумный, натываясь на одни и те же ситуации. Одна из моих пациенток говорила так: когда я вышла замуж, мой муж сказал мне: «Сними с меня ботинки и принеси тапочки», мне это не понравилось – и я с ним развелась. Долго искала другого, и я его нашла, и он сказал: «Дорогая, сними с меня ботинки, и принеси тапочки». Вот это примерная модель, когда человек всё время кружит по одним и тем же ситуациям. Он как приговорённый, он спрашивает: может меня заколдовали, следили, почему я всё время попадаю в одни и те же ситуации? Почему я выбираю человека одного типа? Почему мама мне говорила, что твой муж будет пьяница, и он действительно оказался пьяницей. Я сменила двух мужей. А вот когда нашла трезвого, то сделала всё для того, чтобы сделать его алкоголиком, как завещала мама.

Е.С.: Одно дело психогенные факторы, психосоматика, как так же астма, и другое – когда со здоровьем вроде бы всё хорошо, а фобии, неврозы, панические расстройства присутствуют, и человек не может с ними разобраться. Это работа одного уровня или это разные моменты?

П.Г.: Можно рассматривать это и в том, и в другом варианте. Если есть психогенные состояния – они немедленно отражаются на физическом, биологической здоровье. А может так случится, что абсолютно здоровый человек заканчивает жизнь самоубийством.

Е.С.: Или берёт автомат и идёт расстреливать людей в магазине.

П.Г.: Или направляет самолёт со ста пятьюдесятью пассажирами в ущелье. Сейчас очень много говорят о том, как трудно отличить норму от патологии. И патология стала массовой, парадоксальной, неожиданной. Мир сошёл с ума. О чём, конечно, догадывались и раньше, во времена Шекспира. И книги были написаны. Допустим, Макс Нордау, книга «Вырождение» - об общем безумии. Но когда мы сегодня в постмодернистской философии, рассуждаем о том, что даже к человеку мы подходим не с точки зрения нормы, а он становится

нам интересен, когда он патологичен, когда есть сдвиги сознания, когда есть психопатологические реакции, – вот тут и появляется обширная сфера деятельности, которая конечно захватывает и психосоматику, и психическое здоровье нации. (Когда мы в своё время готовили документы для президента Б.Н. Ельцина, мы собрали огромную информацию и смысл этой информации заключался в том, как дорого мы заплатили за психическое здоровье нации, репрессировав психоанализ. Ельцин в 1996 г. подписал Указ о возрождении и развитии философского, клинического и прикладного психоанализа.

Е.С.: Последний вопрос будет касаться медикаментов. Вы уже сказали, что психоаналитик не работает с медикаментами, и в частности – с антидепрессантами, но так же вы говорите, что порой эти явления бывают связаны, когда человеку просто нормализуют настроение, чтобы он более адекватно чувствовал себя даже на сеансах психоанализа. Вы согласны с этим перекрещиванием двух методов лечения?

П.Г.: Конечно. Я сказал, что терапия существует в разных вариантах. Если человеку нужна помощь психиатра – он должен её получить. Здесь речь не идёт о конкуренции, доминировании, о вытеснении – это просто разные специальности и разные ситуации.

Е.С.: Разные костыли.

П.Г.: Можно и так сказать. Конечно. Какой смысл давать медикаменты в моём примере с астмой, лечить астму обычным путём, если у неё другая предпосылка. Психогенная. Психоаналитический способ лечения больных, разработанный Фрейдом, заключается в анализе по определённым правилам спонтанно возникающих у больного ассоциаций по поводу какого-либо элемента его душевной жизни (метод свободных ассоциаций), толковании сновидений, а также различных ошибочных действий (оговорок, описок, забывания и т.п.), чтобы вычленив с помощью психоанализа истинные (бессознательные) причины этих состояний и довести эти причины до сознания пациента больного. Результатом обобщения психоаналитических исследований Фрейда этого периода явились опубликованные в начале XX в. классические работы «Толкование сновидений» (1900), «Психопатология обыденной жизни» (1901), «Остроумие и его отношение к бессознательному» (1905) и др.

Е.С.: Спасибо большое. Надеюсь, фундамент по части расширения знаний о психоанализе мы сумели заложить.